

Василий Аксенов

Сен-Санс

*Часть сборника
Негатив положительного героя
(сборник)*

Негатив положительного героя

Василий Аксенов
Сен-Санс

«ЭКСМО»

1996

Аксенов В. П.

Сен-Санс / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1996 — (Негатив
положительного героя)

ISBN 978-5-457-11302-2

«Махровой весной 1992 года капиталистического перелома художник Орлович заскочил к себе в Китай-город переодеться перед премьерой в Театре «Ланком», то есть сменить свой полупиджак с потными полукружиями, растущими из подмышек, на другой вариант — с полукружиями, что уже успели подсохнуть, оставив лишь соляные контуры...»

ISBN 978-5-457-11302-2

© Аксенов В. П., 1996

© Эксмо, 1996

Василий Аксенов

Сен-Санс

Посвящается Б. Мессереру

Махровой весной 1992 года капиталистического перелома художник Орлович заскочил к себе в Китай-город переодеться перед премьерой в Театре «Ланком», то есть сменить свой полупиджак с потными полукружиями, растущими из подмышек, на другой вариант – с полукружиями, что уже успели подсохнуть, оставив лишь соляные контуры.

Под окном, на крышах каменных трущоб, разросся немалый сад, в котором промышленные наглые коты полужасленного квартала и беззаветно, будто не чуя постоянной опасности, упражнялась на все голоса суперсага «Зангези» кошачья дичь, полусоловьи-полупересмешики. Автор тут спотыкается о все эти рассыпанные половинки, но потом, сообразив, что на дворе как раз дрожит марево странной эпохи полусоциализма-полукапитализма, следует дальше в своем полудокументальном повествовании.

В мастерской Орловича поджидал старый друг, богач Абулфазл Фазал, известный всей Москве под уменьшительным именем Фаза. «Почему ты решил, что я приду?» – удивился Орлович. Только человек с сильно выраженным восточным мистическим чувством мог просто так сидеть под чучелом совы и ждать, что хозяин мастерской вот-вот явится. Абулфазл Фазал маленькими пальчиками извлек крытую драгоценным сафьяном, пухлую, как справочник Авиценны, записную книжку и показал ее Орловичу. «Видишь, здесь тысяча сто моих друзей и тысяча сто моих блядей, и только к тебе я пришел в мой роковой час».

«Какой еще роковой час? – спросил Орлович. – Какой еще у тебя может быть „роковой час“?» Он, разумеется, никогда не думал, что у богатых людей могут быть какие-то «роковые часы».

Абулфазл поднялся во весь свой крошечный рост – пропорционально сложенный и даже красивый восточный человек, только лишь уменьшенный до миниатюра, – и нервно заюлил в пространстве между литографической машиной и макетами театральных декораций. Он то и дело скрывался в дебрях мастерской, как будто уходил под воду, и что-то бормотал, временами что-то выкрикивая. Орловичу могло бы показаться, что он причитает на родном фарси, если бы он не знал, что Фаза не говорит ни на одном языке, кроме русского, да еще того полуворовского жаргона, что именуется the International Commercial English. Вдруг гость прорезался в проеме антресольной лестницы. Стоял драматически, положив руку на гриву раскрашенной деревянной лошадки, – ни дать ни взять персона мексиканской революции. «Я хочу, чтобы мы сегодня были с тобой вместе, Модик! Помнишь, как когда-то?»

Еще бы не помнить! В годы «застоя», или, как Модест Великанович иногда выражался, «в годы сухостоя», Фаза был, можно сказать, единственной артерией, связывающей этот пещерного вида чердак с щедрым Западом. Всегда являлся с ящиками баночного пива, с вермутами и джинами, и сам, как джинн, волокущий за собой пару-тройку первоклассных девиц вместе с мерцающим шлейфом крутого дебоша.

«Не покидай меня сегодня, Модя, если есть у тебя еще ко мне чувство дружбы и душа великого художника!»

«Фаза, дорогой, да ведь премьера сегодня в „Ланкоме“! Не могу не пойти, там мой ученик, Юджин Пендергаст, оформлял декорации!»

«И я с тобой пойду! – как бы обрадовавшись, воскликнул советский перс. – А потом и дальше двинемся и кого хочешь с собой возьмем из „Ланкома“! Только ты меня не покидай, мой лучший друг!»

Отказаться было просто невозможно. Вопреки гуляющим по Москве сплетням, Орлович считал Фазу «отличным парнем». Легче всего, господа, объявить необычную персону агентом КГБ, а вот вы бы лучше попытались взглянуть на него глазами художника! Этот затянутый в черную кожу миниатюрный демон на белом фоне или в полосах зеленоватого света являет собой пятно хроматической трагедии. Ему жена, проживающая в Лондоне, на Гросвенор-сквер, не позволяет свиданий с дочерью на нейтральной почве, а в Англию он не может приехать, поскольку несправедливо занесен в компьютер Скотленд-Ярда.

Они вышли вместе на Никольскую. Немедленно приблизился экипаж Фазы, «Мерседес-600», с мастером-раллистом за рулем, в сопровождении большого джипа «Исузу Труппер», где размещалась охрана, трое бывших сотрудников спецгруппы «Альфа». Самая надежная в городе служба, хотя и не стопроцентно надежная, если судить по результатам прошлогоднего путча ЦК КПСС. Поехали. Бедный народ прижимался к стенам, как будто от крика «Пади!» и свиста кнута. Фаза, как мальчик, сидел среди мерседесовской кожи. Лицо свое держал в ладонях. Глаза шевелились.

Родители этого могущественного богача принадлежали в старые годы к коммунистической партии ТУДЭ, которая старательно трудилась для осуществления в Иране марксистско-ленинской революции. Увы, реакционные круги тоже трудились над обратным вариантом, и, как выяснилось, трудились более старательно.

Во всех этих делах вместо извечного французского *cherchez la femme* ищи другую первооснову – керосин. Как только народная партия Ирана, выражая чаяния простых иранцев, национализировала нефть, реакция зашевелилась, да еще с такой силой, что свергла большого друга СССР господина Моссадыка и принялась потрошить ячейки ТУДЭ. Те же самые простые иранцы, что вчера еще размахивали красными флагами, теперь под-кладывали активистов ТУДЭ под катки асфальтоукладчиков.

Нет никаких свидетельств того, что именно такая участь постигла отца Абулфазла, однако сын, особенно в подпитии, видел именно эту картину: папашу, старика, расплющивает каток вместе со всеми его железами и потрохами, делает из него просто шкуру наподобие твоего медведя, Модик, на котором сейчас сидим, или даже тоньше, много тоньше. И заливался рыданиями.

О матери же своей Абулфазл Фазал вообще предпочитал не упоминать, хотя она тоже не вернулась из той моссадыко-пехлевистской переделки. Словом, что там говорить, взрослая сволочь мира во всех своих оттенках творит мерзости, а расплачиваться приходится детям. В семилетнем возрасте Фаза попал в сиротский дом Коминформа в глубинном российском Иванове, где научился в лучшем виде выскребать оловянной ложкой оловянную миску. Там он и повзрослел. Для переноса смысла мы можем перенести союз «и» в другое место и тогда, пользуясь гибкостью русского языка, получим нечто не очень-то вдохновляющее: «там и он повзрослел», то есть и он к взрослой сволочи приобщился.

Впрочем, достоверно известно только то, что он окончил в Иванове среднюю школу. Дальнейшие его университеты прикрыты туманами холодной войны. Иногда, по пьяни, выплывало, что он вроде бы получил степень бакалавра в старом Оксфорде, в другой раз смутно упоминалось какое-то училище в Рязани, где овладел наукой выбивать зубы и пользоваться психотропными пилюлями. Одно другому, Впрочем, не мешает, а иногда и помогает, и уж во всяком случае ни то, ни другое не препятствует накоплению огромного капитала в твердой валюте.

Московские друзья и подруги привыкли к тому, что Фаза иной раз пропадает на несколько месяцев, «линяет с концами», как будто его никогда и не было, а потом снова возникает, сначала в виде слухов из Нью-Йорка, скажем, или с острова Мальта, или из Каира, а то и с кинофестиваля в Каннах или из кулуаров совещания стран ОПЕК, а потом и сам

материализуется на богемных чердаках и в кабаках Москвы, окруженный сомнительными «шестерками» и безупречными девицами.

«Вы все меня считаете агентом вашего мудацкого КГБ, старики, – говорил он, – а между тем я просто бизнесмен, сторонник системы свободного предпринимательства. Все дело в том, концы моржовые, что у меня есть иранский паспорт, а он при всей своей говенности дает возможность выезда из дикой страны моего детства и открытия в разных странах торгового бизнеса».

На чердаках и в кабаках покатывались со смеху. Щеки у присутствующих сводило от подмигивания: «А чем же ты торгуешь, Фаза?»

«Съестными припасами, – гордо заявлял иранский подданный и добавлял: – А также фертилизаторами».

«Ну, то есть говном, – пояснял тут же какой-нибудь остряк. – Наш Фаза людей кормит, а потом продает фекалии». После таких слов Абулфазл немедленно бросал в остряка через стол бутылку и нередко попадал. От дома, впрочем, ему никогда не отказывали. Богемщикам нравилось представлять его иностранным журналистам со словами: «А это господин Фазал, наш простой советский капиталист».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.